

Последний шанс для Европы?

Берлинский саммит предоставил европейцам последнюю возможность справиться со своей ответственностью за Ливию

Эта статья также доступна на немецком языке

Париж, Палермо, Москва – и вот теперь Берлин. Список саммитов по Ливии в Европе постоянно растет. А с ним – и напряжение в преддверии конференции, которая по приглашению правительства Германии состоялась в это воскресенье в Берлине. Она должна принести наконец прорыв в мирных переговорах по урегулированию одного из наиболее тупиковых, а в региональном масштабе и наиболее запутанных конфликтов современности. Речь о многолетнем противостоянии в Ливии двух конкурирующих между собой правительств на востоке и западе страны, а также тех, кто поддерживает их из-за рубежа.

В апреле 2019 года после наступления фельдмаршала Халифы Хафтара на столицу Триполи, где находится признанное международным сообществом правительство национального единства Фаиза Сараджа, разразилась новая гражданская война. Тем самым были погребены и надежды на политическое урегулирование под эгидой Организации Объединенных Наций. Между тем вооруженный конфликт в Ливии полыхает вот уже десятый месяц и превзошел длительность гражданской войны, последовавшей после февральской революции 2011 года и свержения Каддафи. К тому же противоборствующие стороны, окрыленные поддержкой из-за рубежа, проявляют намного большую жестокость. Так, в частности, из-за применения современных видов и систем вооружения зарубежного производства резко увеличилось и количество жертв с обеих сторон.

И вот теперь берлинская конференция должна положить конец этому затянувшемуся кризису. Пока что кульминационной точкой в посреднических усилиях германской дипломатии в рамках так называемого берлинского процесса, в ходе которого федеральное правительство с осени 2019 года пытается сыграть роль посредника в

Ливии, остается саммит 19 января. В сентябре правительство Германии совместно со Спецпредставителем Генсека ООН в Ливии Гассаном Саламе выступили с инициативой начать переговоры, призванные обуздать влияние действующих извне сил в ливийской гражданской войне.

*В отличие от своих
европейских партнеров
Федеральное
правительство
Германии пока что не
потеряло доверия к себе
как посреднику в Ливии*

При участии постоянных членов Совета Безопасности и под эгидой правительства Германии этот процесс должен был усадить за стол переговоров всех участников внешнего вмешательства в Ливии и возложить на них обязательства по прекращению поддержки каких бы то ни было сил, задействованных в гражданской войне. Краеугольным камнем прекращения огня и возобновления мирных переговоров, прерванных из-за наступления Хафтара, должно стать обязательное эмбарго на поставки оружия. Новым в этом процессе стали не соображения по умиротворению конфликта при посредничестве европейских государств, а прежде всего его цель: свести наконец за одним столом всех участников, геостратегические и экономические интересы которых до сих пор оставались непреодолимой преградой на пути к мирному решению ливийского конфликта.

Так, наряду с Организацией Объединенных Наций и Советом Безопасности ООН, Европейским союзом, США, Алжиром, Африканским союзом и Лигой арабских государств отныне участниками берлинского саммита по Ливии стали Россия, Турция, Объединенные Арабские Эмираты, а также Египет. А вот две главные фракции ливийского конфликта оказались вне центра внимания. Тем самым берлинский саммит отличается от предыдущих двусторонних переговорных усилий под эгидой французского президента в Париже и итальянского руководства в Палермо, потерпевших неудачу.

К тому же Федеральное правительство Германии в отличие от европейских игроков на ливийском поле без правил пока что не утратило доверия к себе как посреднику в Ливии. Берлин в отличие от своих партнеров во Франции и Италии, давно предпринимающих

активные действия в Ливии, не преследует в этом богатом нефтью государстве какие-то особые интересы в области энергетической политики, а также никогда не оказывал одной из воюющих сторон помощи военными советниками или поставками оружия. Он не испытывает идеологических симпатий ни к одной из противоборствующих сторон и не представлен собственным военным контингентом на месте событий.

*Вмешательство Турции
еще более усилило
внушающее тревогу
стереотипное
представление о том,
что все большее число
действующих извне сил
представлено в Ливии
своими наземными
войсками*

Берлинский саммит является хотя и запоздавшей, но все же реакцией на постепенную интернационализацию гражданской войны. Так, еще весной военно-воздушные силы Арабских Эмиратов и Египта, поддерживающие Хафтара, осуществили налеты на позиции правительства в Триполи. Франция оказала поддержку Хафтару в преобразовании его союза ополченцев в так называемую Ливийскую национальную армию (ЛНА). В дополнение к этому с лета 2019 года ОАЭ и Турция с целью поддержки своих подопечных все шире используют и боевые беспилотники. К тому же преимущественно на стороне ЛНА в боях принимают участие и иностранные наемники, в том числе боевики из Дарфура, Чада и России. Так, неофициальное вооруженное российское формирование «Группа Вагнера» с сентября перебросило несколько сотен наемников в зону боевых действий, чтобы поддержать захлебнувшееся наступление генерала Хафтара на столицу.

После подписания в начале 2020 года соглашения по безопасности между Турцией и правительством в Триполи интернационализация гражданской войны вступила в новую горячую фазу. Ранее правительство национального единства Фараджа неоднократно получало поддержку Турции в форме поставок продукции военного назначения и беспилотников. После подписания соглашения турецкий парламент впервые наделил президента Эрдогана полномочиями по переброске войск в Ливию. Тем самым Турция вступила в Ливии на опасный и неизведанный путь. В то же время символическое размещение турецких войск в Триполи может

расцениваться и как стратегический шаг, посредством чего Эрдоган стремится занять позицию ключевого игрока, без которого мирное урегулирование конфликта недостижимо.

К тому же вмешательство Турции в Ливии в существенной степени продиктовано геостратегическими соображениями сохранения господствующего положения в нефтеносных районах Средиземного моря, а также защиты турецких инвестиций в Ливии, измеряемых миллиардами долларов. Вероятно, свою роль в решении Эрдогана, который благодаря военной операции получил возможность раскручивания в средствах массовой информации темы возрождения османского присутствия в этой стране, сыграли и внутривосточные причины. Однако за вспышкой активности со стороны Турции не в последнюю очередь скрывается и стремление остановить расширение влияния России в Северной Африке. При этом вмешательство Турции еще более усиливает внушающий тревогу стереотип, согласно которому все большее число внешних сил представлено в Ливии своими наземными войсками. Это касается и России, хотя российское правительство постоянно подчеркивает, что наемники Вагнера являются представителями частного вооруженного формирования, не получающего государственного финансирования и не представляющего интересы России. Но подобные заверения на фоне открыто демонстрируемой солидарности Путина с Хафтаром остаются малоубедительными.

Растущая интернационализация гражданской войны стала показательным признаком провала попыток Запада найти решение путем переговоров

Растущая интернационализация гражданской войны стала еще одним показательным признаком провала попыток Запада найти решение путем переговоров, а также следствием выжидательной позиции Европы. Так, сближение между Анкарой и Триполи было вызвано и тем, что Европа месяцами безучастно наблюдала за постепенным наращиванием размера территорий, контролируемых ЛНА. За исключением призывов к перемирию, напоминающих заклинания, международное сообщество не сделало ничего, чтобы остановить вступление войск Хафтара в южные пригороды Триполи. И это при том, что оно стало возможным лишь благодаря российским военизированным формированиям.

Таким образом, у признанного международным сообществом правительства Сараджа сложилось впечатление, что Вашингтон, Брюссель, Париж, Рим и Берлин молча согласились с наметившейся военной победой «тобрукского блока» во главе с генералом Хафтаром, то есть исходом войны, вполне устраивающим в частности и без того благоволящие Хафтару правительства Трампа и Макрона. Во всяком случае в западных столицах политики, похоже, не нашли в себе нужной воли и оказались неспособными дать толчок эффективному дипломатическому процессу посредничества в урегулировании конфликта. Такая выжидательная позиция по причине отсутствия альтернативы в конечном счете подтолкнула альянс сил, возглавляемый Сараджем, в объятия Турции, которая отныне, как прежде Россия, считает, что наступило время воспользоваться европейским вакуумом в Ливии и позиционировать себя в качестве ключевого игрока.

Парадоксальным образом лишь турецкое вмешательство вдохнуло в дипломатию новую жизнь. Обеспокоенность растущими расходами на свое вмешательство подтолкнула Эрдогана и Путина к столу переговоров. За неделю до берлинского саммита главы государств в Москве пришли к единому мнению о необходимости подписания обеими противоборствующими сторонами совместного соглашения о прекращении огня в Ливии. Комиссия в составе пяти представителей обеих воюющих сторон приняла соглашение, которым предусмотрены установление линии прекращения огня и совместный контроль за соблюдением перемирия; кроме того, представители обеих сторон обязуются принять участие в рабочей группе по общественному примирению, а также в политическом и экономическом диалоге под эгидой ООН.

Инициатива Турции и России перед берлинским саммитом стала прежде всего подтверждением ограниченного влияния отдельно взятых зарубежных игроков на хитросплетение интересов в Ливии

Это двустороннее соглашение может быть истолковано и как четкий сигнал Европе: без предварительного благословения России и Турции «европейское урегулирование» невозможно. В то же время оно может стать по крайней мере основой для дальнейших переговоров в Берлине. Однако документ подписан лишь президентом Высшего государственного совета Халидом Альмишри. Хафтар, который приехал в Москву под сильным давлением России, отправился домой, не поставив своей подписи под ним.

Не стоит ли за этим желание Хафтара продемонстрировать своим отказом то, что он не танцует под дудку Москвы? Не стремился ли он в отличие от двух других своих союзников – Египта и ОАЭ – тем самым дать понять, что не пойдет на соглашение, допускающее турецкое военное присутствие в Северной Африке? В ряде средств массовой информации причиной внезапного отъезда считают темперамент стареющего генерала, посчитавшего себя в недостаточной степени убаженным Путиным. Намного более правдоподобным выглядит то, что такой маневр Хафтара был призван укрепить его собственную позицию на переговорах в рамках берлинского процесса. Он и впрямь дал резкий отпор Путину на глазах у международной общественности. Но последний инвестировал в Ливию слишком много средств, чтобы отказаться по этой причине от поддержки генерала. Одновременно благодаря такому шахматному ходу Хафтару снова удалось преподнести себя в качестве сильной личности и важной стороны конфликта, без которой любое решение путем переговоров обречено на неудачу. Причем довольно успешно: вразрез с тем, что планировалось изначально, этот военный предводитель в середине прошлой недели также получил приглашение в Берлин.

Инициатива Турции и России перед берлинским саммитом стала прежде всего подтверждением ограниченного влияния отдельно взятых зарубежных игроков на хитросплетение интересов в Ливии. Провал инициативы Турции и России показал, что патронажные сети между внешними силами поддержки и внутренними противоборствующими сторонами – в отличие от существующих предположений – совсем не следуют четким иерархическим связям. Напротив, усиливающаяся диверсификация зарубежных игроков в гражданской войне дает возможность генералу использовать друг против друга в собственных интересах партнеров главным образом на востоке страны. Московское соглашение потерпело неудачу еще и потому, что два авторитарных правителя переоценили свое влияние, в то время как другие региональные игроки его как раз и подорвали.

Германии досталась роль медиатора еще и ввиду отсутствия альтернативы. Ее способность выполнить эту роль и впредь будет зависеть от

Слабость Москвы может укрепить позицию Берлина, ведь там за одним столом сидели именно эти игроки. Необходимо сделать все возможное для достижения согласия, которое учитывало бы интересы важных региональных «спойлеров». Таким образом, с ног на голову перевернулся и лейтмотив встречи в Берлине: если первоначально на

*солидарности
европейских партнеров.*

саммите предусматривалось достижение отвода войск всеми государствами, осуществляющими вмешательство, то теперь федеральное правительство в Берлине ставит перед собой противоположную задачу – сохранить существующий хрупкий консенсус между Россией и Турцией и в то же время добиться баланса интересов с военными командирами из Египта и ОАЭ, которым Москва придает второстепенное значение. Лишь в этом случае удастся обязать обе стороны ливийского конфликта придерживаться этого соглашения. Германии не в последнюю роль досталась роль медиатора еще и ввиду отсутствия альтернативы. Ее способность выполнить эту роль и впредь будет зависеть от солидарности европейских партнеров. Если же отдельные государства будут вести свою собственную игру, возникнет опасность потери Европой остатков своего сохранившегося политического капитала в Ливии.

Тем самым на плечи немецких дипломатов легла огромная ответственность, возникающая, правда, преимущественно по чужой вине. С учетом прошлых неудачных попыток ожидания, связываемые с берлинским саммитом, довольно сдержанны. И все же берлинский процесс остается единственным форумом, на котором представлены все главные стороны конфликта, последней надеждой для Европы на посредническое влияние с целью урегулирования ливийского конфликта и обретения статуса силы, способной определять политическую повестку дня.

Главная задача – спасти существующее хрупкое перемирие и трансформировать прогресс, достигнутый на переговорах в Москве, в более прочное соглашение. Но и в таком случае это будет, очевидно, означать лишь начало «берлинского процесса». В конечном счете берлинский саммит обозначил вехи на пути к устойчивому миру в Ливии. Чтобы судьба Ливии снова не оказалась в руках региональных спонсоров войны, нельзя допустить, чтобы политический процесс завершился лишь минимально возможным решением. Сделать такой рывок удастся лишь в том случае, если

Европа бросит на весы все свои дипломатические возможности.
Берлин предоставляет Европе последний шанс справиться со своей
ответственностью за Ливию.

Яннис Гримм
Берлин

Яннис Гримм (Jannis Grimm) – координатор по вопросам профсоюзного движения в регионе Ближнего и Среднего Востока, а также Северной Африки и референт по Ливии Фонда им. Фридриха Эберта. Защитил диссертацию по теме «Динамика развития протестного движения и государственные репрессии в Египте и Турции» в Берлинской высшей школе «Мусульманские культуры и общества» (BGSMCS) при Свободном университете Берлина.

Мерин Аббас
Тунис

Мерин Аббас (Merin Abbass) с 2014 года возглавляет проекты Фонда им. Фридриха Эберта в Алжире и Ливии. Он также руководит региональной профсоюзной программой.

